

С. С. Жданов^{1,2✉}, К. В. Брайнингер²

Образ Германии в травелоге И.И. Попова «Великая могила прошлого»

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена репрезентация Германии в травелоге И.И. Попова «Великая могила прошлого» (1912). Страна в тексте представлена как многоуровневое пространство, структурированное через оппозиции «просвещенность – варварство», «эстетичность – безвкусица», «историчность – современность», «имперскость – демократизм», «милитаризм – братство народов». В качестве основных характеристик немецкого пространства выявлены мотивы визуальной привлекательности, эстетичности, культурности, историчности. В качестве доминирующего в ее изображении определен фактографический миробраз. Зафиксированы образы персониферы, связанные с немецким пространством. Выявлено влияние на репрезентацию Германии социально-политических и культурных установок автора, его народнических и просвещенческих убеждений. Проанализировано противопоставление репрезентаций «нового», политизированного Берлина и иных, «старых», культурных немецких городов, представленных в контексте пространства исторической памяти.

Ключевые слова: имагология, дневниковый дискурс, путевые заметки, травелог И.И. Попова, Германия, Берлин, Пруссия, Саксония, рейнский текст, Просвещение

S. S. Zhdanov^{1,2✉}, K. V. Braininger^{1,2}

The image of Germany in I.I. Popov's travelogues «The great grave of the past»

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the representation of Germany in I.I. Popov's travelogue “The Great Grave of the Past” (1912). In the text, Germany is presented as a multi-level space structured through the oppositions “enlightenment – barbarism”, “aestheticism – tastelessness”, “history – modernity”, “imperialism – democracy”, and “militarism – brotherhood of nations”. The paper determines the motives of visual appeal, aestheticism, culturness, and historyness as the main characteristics of its space. The factographic world-image is identified as dominant in its representation. The images of the personosphere associated with German space are recorded. The influence of the author's socio-political and cultural attitudes, his populist and enlightenment beliefs on the representation of Germany is revealed. The contrast between the representations of “new”, politicized Berlin and other “old”, cultural German cities presented in the space of historical memory is analyzed.

Keywords: imagology, diary discourse, travel notes, travelogue by I.I. Popov, Germany, Berlin, Prussia, Saxony, Rhine text, Enlightenment

Введение

Одним из направлений современных филологических исследований является анализ так называемого «дневникового дискурса» примерами чему служат работы [1–4]. По мнению Е.В. Бузальской, дневник являет собой особый гипержанр, объединяющий в своем составе несколько жанров, вариативных по своим функциям, целям, объему и стилю [5, с. 183]. Разновидностью жанра дневникового дискурса выступают путевые заметки. В современной литературе используется несколько синонимичных или тождественных категорий для обозначения данного жанра: «путевые записи», «путевой дневник», «дневник путешественника», «травелог» и проч. Путевые заметки, по мнению Е.В. Бузальской, отличаются от личного дневника прежде всего тем, что повествование организовано не только хронологически, но и топологически, т.е. через перемещение в пространстве [5, с. 187].

А.А. Майга, использующий термин «травелог», говорит о том, что этот жанр является одним из древнейших в истории литературы и письменности в целом [6]. Каждая эпоха, при этом, привносила новые черты в произведения данного жанра, свои стили, формы и принципы повествования.

Одним из значимых для нас периодов развития травелогического нарратива выступил конец XVIII – начале XIX веков, когда населению стали доступны новые виды транспорта, способные достаточно быстро переместить человека на длительные дистанции, что непосредственным образом сказалось на увеличении числа деловых, паломнических, миссионерских, торговых и туристических поездок. Естественным образом это привело к «развитию новых способов документации событий, запечатления воспоминаний и репрезентации туристического опыта» [7, с. 30]. Путевые заметки и воспоминания о путешествиях стали достаточно популярным жанром среди литераторов и журналистов, превращаясь в своеобразную интеллектуальную рефлексию над изменениями социального, городского, политического и культурного пространства Европы и иных регионов.

В рассматриваемом нами в контексте данной статьи исторический период конца XIX – начала XX вв. актуализация жанра путевых заметок во многом была обусловлена с переходом литературы классического реализма к литературе модерна. Как отмечает О.М. Скибина, на данном этапе путевые заметки выполняли, помимо познавательной, также эстетическую, политическую, философскую, рекреационную функции. В заметках о путешествиях, в отличие от иных жанров беллетристики, сюжет которых связан с путешествиями, в травелогах материал «освещается на основе художественной и идеологической концепций автора» [8, с. 90].

Следует также отметить, что имагинально-географическое пространство, изображаемое в русских путевых заметках, представляет собой весьма ценный объект изучения для литературоведческой имагологии, занимающейся анализом динамики образности Своего и Чужого в словесности. Непоследнее место в данной образности занимает топос Германии. «Немецкость», как пишет С.С. Жданов, в целом является довольно популярной тематикой в отечественном литера-

турном массиве [9, с. 7] и, разумеется, рассматривалась в том числе, на материале травелогов [9–15]. Однако степень изученности репрезентации Германии в травелогах начала XX века оставляет желать лучшего.

Одной из таких лакун являются путевые заметки И.И. Попова «Великая могила прошлого» (1912), в которых, в частности, представлена итальянская и немецкая пространственная образность. Следует заметить, что в целом литературное наследие автора в основном изучалось историками с его политико-социальные взгляды, журналистскую и общественную работу, причем зачастую в рамках Сибирского региона [16–19]. Кроме того, произведение «Великая могила прошлого» упомянуто, но не проанализировано подробно в диссертации Д.М. Евдокимова [20]. Соответственно, анализ немецкой пространственной образности в данном травелогe, насколько нам известно, не производившейся ранее, формирует новизну нашего исследования.

Методы и материалы

В статье использованы компаративный, аналитико-описательный, мотивный и семиотический методы. Материалом исследования служит «немецкий» фрагмент травелога «Великая могила прошлого» Попова.

Результаты и обсуждение

Попов – фигура, сочетающая политическую деятельность народовольческого вектора с разносторонней литературно-журналистской практикой, что, в свою очередь, определяет жанровую неоднородность его наследия. С научной точки зрения, его творчество целесообразно рассматривать в контексте социально-политической интеллектуальной традиции, где литература выполняет не только эстетическую, но и публицистико-идеологическую функцию. Участие Попова в руководящих структурах обусловило выраженную политическую направленность текстов. Период сибирской ссылки и последующая деятельность в Иркутске (редактирование региональной прессы) способствовали переходу от узкоревolutionной риторики к более широкому общественно-аналитическому мировоззрению.

Литературное наследие Попова не ограничивается одним типом дискурса; напротив, оно демонстрирует полижанровость: его основные тексты относятся к публицистическим статьям, где представлена аналитика общественно-политических процессов; интерпретация революционного движения; критика самодержавного строя и социальных институтов. В рамках мемуарно-исторической прозы Попов реализовывал ретроспективную рефлексии и выражал стремление к исторической легитимации народнического движения.

Особое место в статьях Попова занимает проблема интеллигенции. Автор считает, что долг интеллигенции – просвещение народа, воспитание «простых людей» на традициях культуры. По его мнению, «истинно интеллигентные люди не должны ограничиваться только одним выполнением своих прямых, обязанностей – врача или учителя, но также их обязанность воздействовать <...> на среду; только при таком условии и возможны прогресс и гармоническое развитие об-

щественных, просветительных и вообще культурных тенденций в обществе» [цит. по: 17, с. 29].

Можно утверждать, что взгляды автора проявились в репрезентации пространств в травелоге, в описании которых тесно переплетаются эстетические, просвещенческие и социально-политические установки, характерные для интеллигентской среды начала XX века. Недаром в предисловии к путевым запискам, характеризуя Италию как предмет изображения в своей книге, Попов опирается на некие стереотипные представления о данном пространстве с акцентированием мотива борьбы за свободу и преобразование итальянцами топоса: «Землетрясения, бывшие катаклизмы и современные катастрофы не умаляют красок природы, ценности памятников старины и великолепия шедевров искусства в *bella Italia*. Люди, несмотря на ужасы природы и кровавый гнет тиранов, не бросали благодатного края, на место разрушенных городов воздвигали новые и сбрасывали иго угнетателей. В год 50-летия объединения Италии кровавые призраки прошлого тонут в торжестве свободы и демократии» [21, с. 4].

Обращаясь к пространству Германии, Попов выстраивает ее репрезентацию как системно организованный объект наблюдения, прибегая к многоаспектному анализу. Репрезентация страны структурируется по ряду ключевых направлений: характеристика национального характера и менталитета, осмысление историко-политической динамики, фиксация особенностей архитектуры и городской среды, обращение к природному ландшафту, а также анализ науки и культурно-художественной сферы. Такое членение позволяет автору задать целостную модель восприятия Германии, в которой различные уровни и сегменты описания образа страны соотносятся друг с другом в рамках единого интерпретационного поля.

В целом, повествование Попова о Германии укладывается в рамки фактографического мироздания и отличается умеренной экспрессивностью. Основными фокусами пространственного интереса автора выступают эстетико-художественная и историческая оптика. Отсюда большое внимание к пространству исторической памяти с соответствующей персонификацией, локусам исторических зданий, артефактов искусства, что зафиксировано в самом названии книги «Великая могила прошлого», которое может рассматриваться вариацией устойчивых представлений русских о Западной Европе как культурно значимом и чрезвычайно символически насыщенном пространстве, имеющем древнюю историю. Ср., например, формулу славянофила А.С. Хомякова о Европе-«стране святых чудес». В отличие от последнего, в названии своей книги Попов акцентирует в большей степени не сакральность и чудесность, а «археологичность» собственного своего взгляда на Запад, где мортальность сочетается с музейностью, т.е. это «могила наоборот», которую «раскапывают»-изучают, чтобы приобщиться к прошлому и выставить ее артефакты на всеобщее обозрение в целях просвещения.

В связи с этим характерна западоцентричность Попова. Подобно П.Я. Чаадаеву, который выдвинул полемический тезис о России как стране без истории, автор «Великой могилы прошлого» противопоставляет просвещенную культур-

ную Европу с ее культом истории непросвещенной, некультурной России, где, по его мнению, такого бережного («музейного») отношения к артефактам прошлого нет, что подчеркнуто в заключительных строках книги. Инаковость Европы (и в том числе Германии) здесь оценивается положительно, тогда как Свое – отрицательно: «С массой впечатлений о былых цивилизациях и народах, с воспоминанием о великих произведениях искусства, о благодатном юге, об иной, чем наша, жизни, мы въехали в родную страну, покрытую снежной пеленой и скованную льдом. Иные воспоминания, иные впечатления нахлынули на нас как бы для того, что бы оттенить контраст между западом и востоком. И люди, и природа, и интересы, и жизнь – все стало иным и не в нашу пользу. Но всего разительнее, встает перед русским путешественником, возвращающимся из Европы, наша некультурность, и как результат ее, наша бедность и неуважение к историческим памятникам, которые так тщательно сохраняются на Западе»²⁵ [21, с. 241]. Попутно заметим, что в данном фрагменте происходит воспроизведение мифологизированной горизонтали пространства не только по оси «Запад – Восток», но и «Юг – Север». В результате метонимия итальянского и частично французского топонимов мотив южности переносится и на немецкие пространства, которые наделяются этим качеством в сравнении с «северным» пространством России, несмотря на климато-географические реалии: «Nord express уносил нас на север. Париж затонул в тумане дождливого и холодного дня. Мы <...> въехали в Германию» [21, с. 225]. Соответственно, для нарратора не так важно, что в какой-то точке Франции или Германии будет в конкретный день холоднее, чем в какой-то точке Российской империи; все равно Европа остается привлекательным, цивилизованным, желанным Югом, а Россия – суровым «варварским» Севером. Причем если карамзинский герой «Писем русского путешественника» порой бравирует своей северностью, принимая маску ученого скифа среди изнеженных «эллинов»-немцев, то Попов высказывает сожаление по поводу родной «Скифии»-России.

Как видим, философские и социально-политические установки автора проникают в сферу художественно-эстетического начала, определяя характер оценок, даваемых тому или иному пространству. Так, начало главы, посвященной Германии, фиксирует момент перехода из одного типа пространства в другое («все изменилось» [21, с. 225]) и построено на оппозиции: «французскость – немецкость (прежде всего в прусском варианте)», бинарные элементы которой маркированы традиционными для данных топонимов в русской культуре этическими, эстетическими и глюттоническими мотивами вежливости, изящества, вина, с одной стороны, и грубости, милитаризации, пива, с другой: «Французская вежливость и предупредительность сменились прусской грубостью; вместо изящных французских открыток нам лезли в глаза немецкие солдаты во всевоз-

²⁵ Здесь и далее орфография и пунктуация источника приближены к современным – С.Ж. и К.В.

можных формах: конные, пешие, в мирное время и в битвах; вместо вина нам предлагали пиво» [21, с. 225]. Заметим, что мотив прусского милитаризма, формирование которого можно отметить еще в текстах XVIII века (об этом подробнее см., например, [22]) – А.Я. Климова, Н.М. Карамзина, – к концу XIX века, времени формирования новой Германской империи, переносится на представление русских о Германии в целом, что, в частности, фиксирует С.В. Оболенская [23, с. 101]. Как подчеркивает Попов, военная сфера доминирует над гражданской и проникает в последнюю, актуализирую мотив казарменности как характерного свойства немецкого пространства: «Военная выправка и выпяченная колесом грудь штатских делала их более военными, чем гражданскими людьми» [21, с. 225]. Ср. с акцентированием милитаризации берлинского (прусского) топоса в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина (конец XIX века) [24, с. 129–131].

Закономерным образом квинтэссенцией милитаризма Берлин выступает и в тексте Попова. Изображая пространство немецкой столицы автор прибегает к ставшей традиционной на тот момент антитезе Германии высокого духа и Германии военщины, что воплощено в репрезентациях различных локусов Берлина. С одной стороны, город маркирован Поповым как «крупный умственный центр не только Германии, но и всего мира», представленный «высшими учебными заведениями, всевозможными обществами и университетом», «замечательно богато обставленным, имеющим среди профессоров имена светил науки и насчитывающим до 7 тыс. слушателей», «рейхстагом, учеными и учебными заведениями, академиями, массой школ» [21, с. 238]. С другой – автор на контрасте, в негативном контексте, отмечает множество мест, связанных с прославлением воинственности: «тем более неприятное впечатление во многих городах Германии, и особенно в Берлине производят статуи победы, колонны славы, вылитые из неприятельских пушек. Таких монументов часто встречается по два и по три в одном и том же городе. Это кичливое напоминание о победах над французами и австрийцами наводит на грустные размышления, говорит о дикости нравов, еще существующей в культурной нации, славной своими учеными и философскими изысканиями, гордящейся своим народным учителем и высоким умственным уровнем населения» [21, с. 238]. Поповский мотив кичливости германского милитаризма во многом аналогичен щедринским оценкам. Раскрывая сущность берлинского двоемирия, Попов обращается к антитезе, в рамках которой противопоставлены милитаристско-имперское начало, представленное локусами-памятниками («Статуя победы, памятник Бисмарку со странными аллегорическими изображениями», «Аллея предков» (Siegesallee со статуями прусских монархов), маркированное, наряду с мотивом кичливой помпезности («блестящая колонна из французских пушек со статуей Виктории), также подавлением, дикостью («железный кулак», «дикарь, нападающий на другого дикаря (барельеф на памятнике Бисмарку)»), и начало пацифистское, социал-демократическое (парламентское), воплощенное, по мысли автора, в «великолепном здании Рейхстага», где звучит «речь Бебеля о братстве народов» [21, с. 238–239]. Эта антитеза распространяется на изображение всего социально-политического пространства Германии как топоса борьбы противоположностей: «Между этими двумя нача-

лами идет постоянная борьба в скромном зале заседаний рейхстага и отчасти в ландтагах» [21, с. 238].

Впрочем, важный для просветительской позиции Попова мотив дикости немцев, равно как и выше упомянутый мотив их северности, подан релятивистки. Дикость сторонников «железного кулака» проявлена на фоне миротворческой позиции Бебеля. В целом же автор придерживается идеализированного взгляда на немцев как на культурный народ (поскольку они европейцы, наследники великой духовной традиции), милитаризм которого носит характер случайной, несистемной аберрации. При этом, как и отдельные милитаристы, народ изображен крайне обобщенно, схематично, в качестве некоего просвещенного сообщества (на его фоне русские, похоже, видятся Попову бóльшими дикарями). Даже описание мотива политической борьбы дано в приглушенной форме, отрицающей радикализм и маркирующей немецкий парламент как умиротворяющий, культурный локус в отличие от народных собраний других стран: «в этих страстных дебатах» «одна черта, которую частенько забывают в других парламентах», – «взаимное уважение и внимание, с какими представители различных партий относятся друг к другу» [21, с. 239–240].

Заметим, что локус Рейхстага охарактеризован положительно. Для Попова это место, связанное с Германией духа, что подчеркивает мотивы привлекательности, серьезности, деловитости, открытости (публичности политики): «великолепное здание» [21, с. 238]; «Заседания германского рейхстага по своему деловому характеру, крайне серьезному отношению к обсуждаемому вопросу и пониманию, с каким депутаты слушают друг друга, на меня произвели глубокое впечатление. Попадать в рейхстаг очень легко: бюро охотно выдает билеты на галереи <...> Ни в одном из парламентов <...> я не видел такой массы корреспондентов» [21, с. 240].

Берлинская сфера СМИ также показана на подъеме и представлена как признак культурности, характерный для пространств иных ведущих европейских стран: «Печать в Берлине и Германии пользуется не меньшим значением, чем в Англии и Франции. Газеты здесь растут не по дням, а по часам <...> берлинец <...> без газеты жить не может» [21, с. 240–241].

При этом в репрезентации Попова актуально-политическое пространство Берлина явно доминирует над эстетико-художественным и пространством исторической памяти. Город маркирован мотивами новизны (в релятивистской огласовке) и, соответственно, отрицания историчности и эстетичности: «Берлин – относительно новый город, и в нем мало исторических воспоминаний и памятников» [21, с. 236]; «Сокровищ искусства классической школы и великих мастеров «Возрождения» в Берлине почти нет: картинная галерея и скульптурный отдел представлены слабо» [21, с. 237]. Квинтэссенцией безвкусицы и новодела изображен выше упомянутый локус «Аллеи предков», «созданный Вильгельмом II в Тиргартене»: «ничего замечательного она не представляет ни в отношении старины, а тем паче художественности. Памятники позднейшим деятелям и некоторые фонтаны... куда ценнее и художественнее исполнены, чем аляповатые статуи предков Вильгельма» [21, с. 237]. Наоборот, положительно, мотивами мас-

штабности и интересности, отмечено нехудожественное музейное пространство города: зоологический и этнографический музеи, музей почтового ведомства и «только что реставрированный фасад Пергамского храма, помещающийся в отдельном здании и переносащей нас в классическую эпоху» [21, с. 238].

Наконец, современный топос Берлина в наибольшей степени в сравнении с другими немецкими городами охарактеризован мотивами упорядоченности/благоустроенности и крупномасштабности, пусть и уступает в свойстве исторической ценности, культурных богатств: «Берлин за последние 10–15 лет значительно улучшился и должен быть отнесен к числу наиболее благоустроенных городов Европы и, быть может, в этом отношении он единственный город. <...> Широкие улицы, масса красивых зданий, парки, роскошные памятники, театры, рейхстаг, масса ученых и учебных заведений, различные общества, громадный музей, прекрасное освещение и чистота делают жизнь в Берлине интересной и приятной» [21, с. 236]. Причем мотив конкуренции Берлина и Парижа в интерпретации Попова не означает вторичность первого по отношению ко второму, как у Щедрина [24, с. 131], хотя и имеет скрытый милитаристский подтекст прирастания за счет конкурента: «Столица Германии начала обстраиваться после 1871 г. на французские деньги и теперь по красоте смело может конкурировать с Парижем» [21, с. 236].

Прочие урбанистические топосы Германии представлены Поповым прежде всего как пространство эстетически-художественное («музейное», по сути) и пространство исторической памяти.

Так, репрезентация Кельна сведена к изображению местного знаменитого собора. Данный локус маркирован традиционными мотивами уникальности, крупномасштабности, визуальной привлекательности/украшенности, готической вертикальности, старинности, таинственности, чудесности: «величайший из готических храмов» [21, с. 225–226]; «строившийся... около 600 лет»; «многим окнам» «насчитывается не одна сотня лет»; «высокие башни»; «высокое, стремящееся к небесам хоровое пространство»; «грандиозность впечатления» (при наружном осмотре); «колоссальное здание»; «величественное впечатление» (при созерцании изнутри); «дивное произведение готического зодчества»; «таинственный мрак» [21, с. 228]; «удивительная ритмичность и гармоничность» [21, с. 226–227]; «богат скульптурными и художественными работами»; «шедевры искусства», «грандиозный храм» [21, с. 227]. Сакральность пространства акцентирована актуализацией небесного топоса: «нависшие над собором облака»; «стремящееся к небесам» место [21, с. 226].

Франкфурт-на Майне маркирован как пространство Германии духа через историческую персонифицированную сферу – образы, актуализирующие «истории книгопечатания» (Гуттенберг, Фауст и Шеффер), литературы и философии (Гете, Шиллер, Шопенгауэр, Гейне, Берн). Углубляясь в изображение пространства исторического прошлого города Попов упоминает его политическую сферу, хранящую свидетельства о доимперской вольнице, столичном статусе и конкуренции с Пруссией: «За Франкфуртом сохранились богатые исторические воспоминания; он до 60 годов прошлого столетия играл видную политическую роль. Здесь засе-

дал немецкий сейм, а с 1848 г. немецкий парламент, национальное собрание. Во время мартовской революции немецкие республиканцы мечтали сделать Франкфурт столицей южной Германии. Свое влияние Франкфурт сохранил до 1866 года, когда после поражения Австрии, в союзе с которой он сражался с Пруссией, город был присоединен к последней» [21, с. 228].

В аналогичном ключе, но в более лаконичной манере представлены «Гота, Веймар и другие, города, игравшие когда-то большую роль в истории Германии и славные своими литературными традициями» [21, с. 229–230]. Веймар, разумеется, отмечен особо как «центр немецкой литературы» «прошлого столетия» и связан с образами Гете, Шиллера и Виланда [21, с. 230].

В наибольшей же степени маркеры культурного пространства, т.е. Германии духа, присущи репрезентации Саксонии («страна музыкантов, композиторов, художников, ученых» [21, с. 230]), представленной прежде всего описаниями двух городов – Дрездена и Лейпцига.

Образ первого отмечен визуальной привлекательностью и насыщенностью эстетическими артефактами, в том числе различными локусами, и на этом основании связан с итальянскостью: «По своим красивым зданиям, а главное – по богатому собранию сокровищ искусства, Дрезден называется немецкой Флоренцией.... В его величественном здании Zwinger помещается несколько замечательных музеев: королевская библиотека, нумизматический кабинет, музей древностей, богатейшее собрание фарфора, зоологический, и минералогический музеи с богатейшими коллекциями по естественной истории, физико-математический, собрание гипсов, «Зеленое Подземелье» с драгоценностями и проч. Но всего драгоценнее в Дрездене картинная галерея, по богатству третья в мире» [21, с. 230]. В рамках просвещенческого дискурса Попов даже вводит в повествование пространственный экфразис главного местного шедевра – Сикстинской Мадонны Рафаэля-Санцио, много раз описанной авторами других травелогов. Как и Берлин, Дрезден в целом отмечен мотивами умственной жизни и духовных богатств как проявления Германии духа: «Дрезден богат и другими шедеврами, богат той умственной жизнью, которая обуславливается его учеными и художественными коллекциями, учебными заведениями, многочисленными обществами, одним словом, всем тем, что делает жизнь культурной, осмысленной и богатой по содержанию» [21, с. 234]. Более того, в отличие от Берлина, Дрезден отмечен мотивом гармонии внешнего и внутреннего пространств: «Внешний вид города как нельзя более соответствует его... духовному содержанию» [21, с. 234]. Наряду с мотивом визуальной привлекательности, городской топос маркирован традиционными для описаний немецкого пространства в русской словесности мотивами чистоты и упорядоченности/уюта: «Прекрасные улицы, величественная архитектура, чудные театры, Брюлева терраса, живописные окрестности, замечательное благоустройство и чистота делают Дрезден одним из наилучших городов мира, где могут получить наиболее полное удовлетворение все запросы и потребности культурного человека» [21, с. 234]. Как видим, восхищение городами Германии реализуется через перечисления («пилястров, башенок, решеток, галерей, колонн, статуй»), где сама избыточность ряда выполняет функцию усиления впе-

чатления. Эстетическая реакция здесь декларируется напрямую.

На контрасте с Дрезденом Лейпциг отмечен меньшей привлекательностью, хотя и отмечен ей наряду с мотивом чистоты: «После Дрездена Лейпциг уже не производит того впечатления, какое должен производить этот красивый и чистый город» [21, с. 234]. Различие эстетических реакций объясняется Поповым как следствие связи этих топосов с разными темпоральными слоями. Если Дрезден больше соответствует образу города «новейшей истории» («в нем особенно ярко отразилось новейшее искусство и стиль рококо»), т.е. представлениям о прекрасном, более близким во времени эпохе автора, то лейпцигское пространство контаминировано со Средневековьем и, соответственно, маркирован мотивами старины, узости, кривизны, приходящими в противоречие с принципами регулярной застройки, ставшими популярными в Европе в XVIII – XIX веках: «Лейпциг полон средневековой старины, богат зданиями, на которых лежит седая старина, а его сохранившиеся во многих местах узкие и кривые улицы с прожжавшими стенами, стрельчатыми башнями, статуями Лютеру, Меланхтону, Фридриху, переносят нас в эпоху Реформации. Центр старины лежит в центре города, который опоясывается новыми улицами, широкими площадями и парками с великолепными зданиями музеев, театра, университета. В новом городе разбросано много памятников ученым Геллерту и Лейбницу, музыкантам Баху, Цельнеру, Шуману и др.» [21, с. 234–235]. В этом плане Лейпциг в большей степени выступает как топос-«хрономобиль», переносящий нарратора в пространство онирического прошлого (в значительней степени легендарного благодаря вовлечение в пространство грезы фаустовского мифа). Ни в одном другом поповском описании городов Германии такого анахронистического ониризма мы не встречаем: «Когда смотришь на эти монументы великих композиторов, на роскошные здания концертного зала и оперы, на дом Бетховена, где все полно воспоминаниями о знаменитом музыканте-композиторе, когда ходишь по обширнейшему в мире университету, богатым музеям, любишь средневековой стариной или, сидя в погребке Ауэрбаха, где перед вами стоит та самая бочка, на которой Мефистофель и Фауст в Вальпургиеву ночь улетели на шабаш ведьм, а на стенах написана в картинах история Фауста, когда вы видите подземный ход из этого погреба, ведущий за стены прежнего Лейпцига, – вам не хочется верить, что вы находитесь в центре обширнейшей в мире меховой торговли, в центре кожевенного производства и печатных машин» [21, с. 235–236]. Также отметим, что в пространстве Лейпцига у Попова немецкое двоемирие не так гармонизировано, как в случае Дрездена: мир грезы о Германии духа приходит в противоречие с современной практической Германией, отмеченной мотивами коммерции и индустрии.

Кроме того, в репрезентации Саксонии мы встречаем давно зафиксированный русской словесностью мотив конкуренции Саксонии и Пруссии, где за вторым пространством в представлении жителей первого закреплены ярко выраженные негативные мотивы глупости и милитаризма: «Саксонцы гордятся своими городами, но особенную гордость их составляют Дрезден и Лейпциг, с которыми, по их мнению, не может тягаться Берлин, – резиденция солдатчины, а

нее ума и гения» [21, с. 236]. Сам нарратор частично соглашается, частично, как показано выше, старается опровергнуть данный стереотип: «Они отчасти и правы» [21, с. 236].

Помимо вариаций городских образов, в качестве особого значимого немецкого пространства выделен рейнский топос, маркируемый типичным для него мотивом визуальной привлекательности/живописности: «одна из самых живописных рек Европы», «причудливые отроги», «ажурные мосты» [21, с. 227]. Как и во многих иных русских травелогах, рейнская, горно-речная репрезентация тесно связана с романтическим и предромантическим мирообразом, отсылающим к образности средневековья: «По отрогам этих гор и на их вершинах лепились рыцарские замки, а у подножия и на хребтах стояли статуи средневековых героев» [21, с. 227]. Контраст между образами мчащегося поезда как воплощения мотива технического прогресса и ахронными локусами замков и памятников создает антитезу «настоящее – прошлое». Одновременно в описании процесса созерцания во время путешествия по железной дороге наблюдается эстетизация истории – отношение восхищения и почти музейного почтения, а не критического осмысления. «Перед нами мелькали города и поселки, о которых навеяли воспоминания о великих событиях, великих людях, поэтах и писателях» [21, с. 227].

Заключение

Таким образом, в литературе конца XIX – начала XX вв. путевые заметки приобретают особую значимость в качестве метода **интеллектуальной, культурной и исторической рефлексии**. В этом контексте травелог становится не просто фиксацией маршрута, но способом интерпретации историко-культурного пространства.

В путевом очерке «Великая могила прошлого» наиболее полно проявляется синтез документального наблюдения и субъективной интерпретации, где репрезентация Германии в основном актуализирована в рамках фактографического мирообраза с элементами романтического. При этом основной акцент сделан на умеренно экспрессивном изображении эстетизированного культурно-исторического элемента, т.е., прежде всего, на представлении «Германии духа», страны мировых культурных достижений. Отсюда же внимание автора к соответствующей персонификации – образам немецких философов, ученых, писателей, поэтов, художников, музыкантов, книгопечатников, т.е. просветителей в широком смысле слова.

В рассмотренном тексте Попов-нарратор предстает как представитель отечественной интеллектуальной традиции, в творчестве которого политическая деятельность органически сочетается с публицистикой и мемуарно-очерковой прозой. Соответственно, «Великая могила прошлого» функционирует не только как средства художественного выражения, но и как форма общественно-политической и культурной рефлексии, ориентированных на интерпретацию социальных процессов и исторической динамики. Из установок, определяющих оптику описания автора и характерных для многих представителей русской интеллигенции XIX – начала XX столетий, можно выделить концепцию просвещенности как

наследия Нового времени, в соответствии с которой Западная Европа (и, в частности, Германия) выступают эталонными носителями этой просвещенности и культурности, тогда как прочее пространство (в нашем случае, Россия) уступает европейскому в проявленности данной характеристики и, соответственно, выступает «варварским», менее культурным, что проявляется в отношении к историческим артефактам. Европа также маркируется южностью и благодатностью, Россия же – северностью (и имманентно суровостью, безблагодатностью). Сакрализованный статус европейского топоса Чужого, проистекающий из его «историчности» в противовес неисторичности Своего, в тексте Попова также предполагает отношению к данному топосу как «музейному» пространству, представляющему собой «собрание» значимых культурных локусов-артефактов. В то же время акцентированная историчность взгляда на Европу порождает некий окказиональный мортальный смысл места-мемориала, т.е. «великая могила»-Европа выступает здесь памятником самой себе, своей истории. Изображение современного немецкого антропного элемента, напротив, ослаблено и весьма схематично. Немцы декларируются просвещенным народом, но его описание фактически не дается, порождая остранный эффект музейности пространства, в котором почти нет иных «посетителей», кроме нарратора-путешественника.

Единственным немецким урбанистическим топосом, маркированным мотивом новизны, т.е. связью с современным автору темпоральным слоем, является Берлин. Отсюда наибольшая амбивалентность образа этого города по сравнению с иными пространствами Германии. Мотивами визуальной привлекательности/эстетичности и просвещенности/культурности отмечены немногие берлинские локусы. Особо положительно охарактеризована сфера образования и науки как проводников европейской просвещенности. Наоборот, сильнее актуализированы мотивы милитаризма и безвкусицы при описании локусов-артефактов берлинских памятников, посвященных военным победам и прусским монархам. Народнические предпочтения Попова обусловили его симпатию к локусу Рейхстага, маркированного демократическим началом. Здесь образ Берлина представлен как противопоставление милитаристско-имперского и социал-демократического. В целом, в репрезентации города актуально-политическое пространство доминирует над эстетико-художественным и пространством исторической памяти.

Прочие урбанистические топосы Германии представлены прежде всего как пространство эстетически-художественное и пространство исторической памяти. Так, описание Кельна сведено к изображению собора, маркированного масштабностью, привлекательностью, древностью, таинственностью, сакральностью, готической вертикальностью, символизирующей связь с небесным топосом. Образы Франкфурт-на-Майне, Веймара представлены через персонализацию культурного пространства, т.е. соотносятся с «Германией духа». Особой эстетичностью, визуальной привлекательностью, историчностью и просвещенностью отмечено пространство Саксонии, представленной, прежде всего, в репрезентациях двух городов – Дрездена и Лейпцига. При этом первый образ маркирован связью с темпоральным слоем XVIII–XIX веков, а второй – со Средневе-

ковьем. Кроме того, в образе Саксонии можно обнаружить давно устоявшийся мотив в русской литературе и конкуренции между Саксонией и Пруссией. В восприятии жителей первой страны за пространством второй закреплены яркие негативные образы, связанные с глупостью и милитаризмом.

Также отмечены традиционные для русской традиции изображения немецкого пространства мотивы упорядоченности, чистоты и уюта, характеризующие пространство немецких городов в травелоге Попова.

Наконец, в качестве особого топоса в травелоге выделено рейнское горно-речное пространство, изображение которого построено на столкновении средневековой ахронности (локусы замков и статуй), берущей свое начало из романтического/предромантического мирообраза Германии и современности (локус железной дороги).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисова О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М.М. Пришвина: автореферат диссертации... канд. филол. н. – Елец, 2015. – 22 с.
2. Леонова Е. В. Реализация стратегии самоидентификации языковой личности в дневниковом дискурсе: автореферат диссертации... канд. филол. н. – Саратов, 2016. – 30 с.
3. Найок О. Б. Визуальный компонент в пародийном художественном дискурсе на примере дневниковых записей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 7 (849). – С. 117–131. – DOI: 10.52070/2542-2197_2021_7_849_117
4. Красин А. А. Функции аббревиации в дневниковом дискурсе // Филология и человек. – 2024. – № 3. – С. 169–181. – DOI: 10.14258/filichel(2024)3-11
5. Бузальская Е. В. Гипержанр «дневник»: основные варианты модели // Жанры речи. – 2019. – № 3 (23). – С. 183–192. – DOI: 10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192
6. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Вестник ТГГПУ. – 2014. – № 3 (37). – С. 254–259.
7. Сатыбалдина Д. К. Путешествия и социальное пространство Европы в рефлексии интеллектуалов межвоенного периода // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 10(66). – С. 27–33. – DOI: 10.24158/fik.2019.10.3
8. Скибина О. М. Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века) // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 4. – С. 88–97.
9. Жданов С. С. Образ немецкого курорта в путевых заметках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Вестник ТГПУ. – 2019. – № 1 (198). – С. 7–16. – DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-7-16
10. Порошкова И. Л. Путевые очерки М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» в русской литературе путешествий // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С. 29–53.
11. Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. – 2008. – № 2. – С. 9–17.
12. Ильченко Н. М., Аксенова М. В. Образ Германии в путевых письмах Н. И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2016. – С. 112–116.
13. Жданов С. С. «По избитой дороге европейских туристов»: репрезентация пространства Германии в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Н.И. Греча // Два века русской классики. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 42–63. – DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-2-42-63
14. Батшев М. В. Феномен Любека в представлении русских путешественников первой по-

ловины XIX в // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 11–27. – DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27

15. Жданов С. С., Брайнингер К. В. Образ Берлина в травелогe Н. Н. Лендера «По Европе и Востоку: Очерки и картинки» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2025. – Т. 16, № 2. – 9 с. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK225.pdf> (дата обращения: 15.06.2026). – EDN: YYKESM

16. Плотникова М. М. Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов как гласный Иркутской городской думы // Сибирский город XVIII – XX веков: сборник научных статей. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 122–136.

17. Иванов А. А. «...на границе культур»: И.И. Попов в кяхтинской ссылке // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2015. – № 3 (43). – С. 22–28.

18. Шинкарева А. П., Гимельштейн А. В. Особенности процесса становления российской провинциальной журналистики как профессии в XIX – начале XX вв. на примере Иркутска // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 208–219.

19. Евдокимов Д. М., Иванов А. А., Кружалина А. А. История Северо-восточной Азии XIX – начала XX вв. В исследованиях И.И. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2025. – № 1 (71). – С. 15–23. – DOI: 10.24866/1997-2857/2025-1/15-23

20. Евдокимов Д. М. Общественная, научная и публицистическая деятельность Ивана Ивановича Попова: 1882–1942 гг.: диссертация ... канд истор. н. – Иркутск, 2025. – 327 с.

21. Попов И. И. Великая могила прошлого: Путевые впечатления. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. – 263 с.

22. Жданов С. С. Образы немецкой военной элиты в русской словесности конца XVIII – начала XX века // Филология и человек. – 2020. – № 3. – С. 60–73. – DOI: 10.14258/filichel(2020)3-05

23. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). – М.: ИВИ РАН, 2000. – 209 с.

24. Жданов С. С. Образ Берлина в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 125–137. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-125-137

© С. С. Жданов, К. В. Брайнингер, 2026